

Сяо Цичэнь мягко промолвил:

— Сестра Люй-и, ты со мной столько лет, некоторые вещи при мне лучше не говорить. Где ты это услышала — неважно. Сплетни, что слуги за моей спиной плетут, я ещё могу простить, но порочить доброе имя супруги А Яня... этого я слушать не стану.

Люй-и склонила голову:

— Служанка сейчас разберётся.

Сказав это, она не посмела поднять глаз, поднялась с пола и, прижимаясь к стене, зашпешила прочь. Когда подол её платья скрылся в конце галереи, Сяо Цичэнь откинулся в кресле, и рядом внезапно возникла тень.

После покушения на Сяо Цичэня на окраине Цзиньлина Сяо Янь, размягчившись и войдя во вкус, приставил к нему двух телохранителей из Тайной стражи. Изначально предполагалось, что те вернутся в строй, как только нападавших схватят, но те двое словно сквозь землю провалились. После нескольких докладов Тяньхуэя о том, что следов нет, Сяо Янь махнул на это дело рукой.

В отличие от Тянью, который слепо повиновался приказам, не признавая господина, Тяньхуэй отчётливо сознавал: оставаться под началом Лю Вэньюаня — перспектива недолгая. Насколько пагубны практики Тайной стражи для боевых искусств, он знал прекрасно, вот только сопротивляться не смел. Следовать за Сяо Цичэнем означало временно укрыться от глаз Лю Вэньюаня, потому, когда Сяо Цичэнь спросил, не хочет ли он вместе спектакль разыграть, Тяньхуэй без колебаний согласился.

Раз нападавших не нашли, возвращаться к Сяо Яню им было не нужно. Вместо этого они день за днём несли стражу вокруг Чертога Чэнлань, по сути став глазами и ушами Сяо Цичэня. У Тяньхуэя были свои соображения: он знал, что в сердце Сяо Цичэня таится нечто большее, чем клочок земли в будущем уделе. Эта жажда заставляла его кровь кипеть, и он старался изо всех сил.

То, о чём говорила Люй-и, он слышал. Тяньхуэй спросил:

— Ваше Высочество, когда девушка Люй-и тех людей найдёт... ликвидировать?

На лице Сяо Цичэня не дрогнул и мускул:

— Чтобы не слишком легко отошли. Холопы, засиделись в Тайчэне — возомнили себя пупом земли. Сейчас про дом маркиза Пинъюань языки чешут, гляди, завтра уже начнут, что я не императорский сын...

Тяньхуэй:

— Ваше Высочество, выражения.

Сяо Цичэнь тут же поправился:

— Прости, вышел из себя, не сдержался. Не всех нужно убирать. Выясни, кто слухи распускает. Пока он в городе Цзиньлине — не уйдёт. А после пусти слух, чтобы остальные заткнулись. Су Янь там, на границе, за страну головы складывает, а они тут про то, что ребёнок в утробе маркизы — не его кровь... Сердца у них гнилые.

Голос его был ровен, но в нём сквозила скрытая угроза, от которой Тяньхуэй впервые почувствовал в глубине души нечто вроде страха перед Сяо Цичэнем. В округ Цингуан Тяньхуэй не ездил; из обрывочных фраз Тянью он лишь знал, что Сяо Цичэнь и впрямь сильно изменился, но в чём именно — сказать не мог.

И лишь сейчас Тяньхуэй наконец понял: этот ещё не достигший совершеннолетия отрок вовсе не так слаб, как ему казалось. Напротив, в нём понемногу проступала способность решать вопросы жизни и смерти без тени волнения на лице.

Если так пойдёт и дальше, с годами и опытом эта способность у Сяо Цичэня окрепнет — и властвовать он сможет не только над жизнью и смертью, но и над... этой необъятной страной.

На следующий день в дом маркиза Пинъюань пожаловал гость.

Су Чжи, вернувшись в Цзиньлин, заперся в покоях, залечивал раны и никого не принимал. Когда дядя Ван открыл ворота и увидел знакомое молодое лицо, он уже собрался вежливо отказать, но тот опередил:

— Дядя Ван, я не к генералу. Я к Жун.

Шестой принц вдруг пожелал видеть молодую госпожу — дядя Ван почуял неладное, но отказываться без причины не стал, лишь посторонился, пропуская Сяо Цичэня внутрь.

Сделав пару шагов, он увидел, что та, кого он искал, была в саду.

Ли Жун подтвердили беременность всего месяц назад, ребёнку в утробе не было ещё и трёх месяцев, так что двигаться она могла свободно. Она поливала цветы. Конец апреля, почти лето; розы и жасмин, за которыми она так тщательно ухаживала, уже набирали бутоны, а ветви акации гнулись под тяжелыми гроздьями цветов, почти касаясь земли.

Сяо Цичэнь заметил, что все эти цветы появились в нынешнем году, и невольно спросил:

— Сестра Жун, это всё ты посадила?

Та, встрепенувшись от его голоса, резко обернулась, увидела его — сначала поклонилась, а потом ответила:

— Дома сидеть нечего... я и раньше любила с цветами возиться, а сейчас, пока никто не одёрживает, надо же насладиться сезоном, пока он не прошёл. Ваше Высочество, присаживайтесь, я чаю налью. Ммм... Может, слив маринованных или сладостей?

Сяо Цичэнь это любил, потому сразу отозвался:

— Да, спасибо, сестра Жун.

Ли Жун слегка нахмурилась:

— Ваше Высочество, только не называйте меня так, старит. Позавчера господин Се меня «невесткой» обозвал — тоже как-то чересчур официально... Может, Вы, как А Янь, будете меня Жун звать? Ладно?

Сяо Цичэнь впервые с ней беседовал, но словно знал её сто лет, мигом ответил:

— Тогда спасибо, Жун.

Ли Жун поставила перед Сяо Цичэнем чашку чая и блюдечко со сладостями, сама присела у каменного столика:

— На днях дождь прошёл, я перед самым дождём эти цветы акации срезала, вчера как раз высушила — на мёд акациевый пойдут. И на рисовые пирожные полить хорошо, и в чай добавить. Свёкор со свекровью сладкое не любят, вот я себе одной и делаю. Если Ваше Высочество любите — кушайте на здоровье.

Если бы Ли Жун не была супругой Су Яня, Сяо Цичэнь мог бы расплакаться от сходства их вкусов. Рисовые пирожные — мягкие, мёд акациевый — в меру сладкий, с лёгкой горчинкой; один глоток — и на душе светлеет.

Ли Жун, видя, что ему нравится, сказала:

— Ваше Высочество, вы к отцу? Он всё ещё поправляется.

— Нет, — Сяо Цичэнь покачал головой. — Слышал, в доме маркиза скоро прибавление будет, вот из дворца кое-какие тонизирующие средства принёс. А Янь мне говорил, у Жун здоровье слабовато, такие лекарства обычно редкость. Я только в медицине не силен, брал, что на вид подходящим казалось. Вы... можете у городских лекарей спросить, можно ли применять.

Ли Жун на сей раз удивилась:

— Ваше Высочество... как же так можно?

Сяо Цичэнь подвинул к ней принесённую шкатулку, искренне говоря:

— Мы с А Янем с детства дружим, его дело — моё дело. Сейчас его в Цзиньлине нет, генерал тоже ранен, на покое, — в такое время маркиза наверняка генералом занята, вот я и подумал — позабочусь о Жун вместо А Яня.

Слова его были в меру почтительны, но другой бы на её месте мог и насторожиться. Однако Ли Жун была простодушной, и не только не смутилась, но искренне обрадовалась:

— Ваше Высочество, вы и вправду заботливы. Что до лекарств... честно говоря, я в травах немного разбираюсь, позже посмотрю повнимательнее — долгая болезнь и врача делает.

О своей хвори она говорила без стеснения, да и слова её были тактичны, так что беседовать с Ли Жун Сяо Цичэню было легко; поговорив подольше, он даже почувствовал лёгкое сожаление, что не познакомились они раньше. Но он всё же был неженат, и если бы засиделся с Ли Жун с глаза на глаз, слухи могли бы пойти нехорошие. Потому, допив чай, Сяо Цичэнь поднялся, собираясь откланяться.

Уходя, он всё же не удержался, повернулся и, встретившись с безмятежным взглядом Ли Жун, мягко, окольными словами предупредил:

— Жун, если в ближайшее время... услышите от кого недоброе — не принимайте близко к сердцу.

Ли Жун на миг замерла, потом, словно что-то сообразив, на лице её расплылась понимающая улыбка:

— Благодарю.

В доме маркиза Пинъюань буйствовали цветы, но едва ворота закрылись, лёгкий цветочный аромат, витавший в воздухе, мгновенно отсекло, словно за створками был уже другой мир. Взгляд Сяо Цичэня на миг задержался на камне для спешивания у входа, а потом он неожиданно снова повернулся и постучал.

На этот раз открыла сама Ли Жун — видимо, не успела далеко уйти. Увидев его, удивилась:

— Ваше Высочество?

Сяо Цичэнь сказал:

— У вас... есть что передать А Яню? Я в Заставу Яньмэнь к нему собрался, сказать, что отцом скоро станет. Он сейчас там... на севере одна битва за другой, не вернуться ему.

Собственные чувства он объяснить не мог. Казалось бы, они с Ли Жун должны быть как вода с огнём, тем паче, что в его сердце к Су Яню таились невысказанные чувства — следовало бы от обоих держаться подальше. Но, беседуя с Ли Жун, он ощутил давно забытые лёгкость и радость — и не видел ничего плохого в том, чтобы стать для них связным.

Ли Жун была умна, немного подумала и с улыбкой ответила:

— Если и вправду на север поедете, потрудитесь попросить А Яня имя для ребёнка выбрать.

Сяо Цичэнь кивнул. Ли Жун добавила:

— Ваше Высочество, счастливого пути.

О своём отъезде на север Сяо Цичэнь хотел умолчать, но дело было серьёзным: один-два месяца отсутствия во дворце, и даже Сяо Янь, мало им интересовавшийся, непременно заметил бы неладное. Потому Сяо Цичэнь, собравшись с духом, сначала отправился за дозволением.

<http://bllate.org/book/15940/1425176>